

The image is a vertical composition. The top half shows a majestic, snow-capped mountain range with sharp peaks and a valley below. The bottom half shows a lush green valley with a winding river, surrounded by dense evergreen forests. In the foreground, a person wearing a red cloak and a dark tunic stands with their back to the camera, looking out over the valley. The overall scene is bright and detailed, suggesting a high-quality digital illustration or game environment.

Экклёсская сага

Евгения Мухамедьярова

Евгения Мухамедьярова

Экклёсская сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71451871

SelfPub; 2025

Аннотация

Это история о охваченной тяжким бременем Великой Экклесе, прибывающей в чаянии нового героя. Его ждёт и Властитель, активно насаждая свой Порядок, омывая руки в крови несогласных. Лесные охотники, озёрные жители, люди равнин и маги скалистых гор объединяются для борьбы. Действительно ли юный охотник тот, кого они все ждут, или пророчество ошибается? Можно ли вмешаться в провидение и взять судьбу в свои руки?

Содержание

В засаде	4
Ночная тишь	8
Крылья птицы	11
Обещание	14
По памятным местам	20
Отвергнутый	25
Внимание	33
Незадачливый	39
Друг	47
Испытание	54
Признание	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгения Мухамедьярова

Экклéсская сага

В засаде

Лес. Сучья. Ветки. Слышен хруст. Кто-то бежит. Юный охотник приподнял голову, высовываясь из укрытия. Он собирался принести домой свежую дичь, запасы которой значительно истощились. Лёжа в засаде уже несколько часов, юноша почувствовал, как начали неметь пальцы, прочно держащие арбалет. Он слегка выдохнул и стал приглядываться. Время было предзакатное, ещё не сумерки, но там, откуда доносился шум, садилось солнце, и охотник с трудом мог разглядеть хоть что-то.

Заурчало в животе. Негромко, но достаточно, чтобы подумывать о том, как давно он ел в последний раз. Голод, охвативший всю округу, заставлял всех идти на охоту глубже в лес. Вот только охота у всех разная. Одни идут в лес за дичью, другие – на разбой. Именно поэтому вокруг стало всё больше легионеров. Властитель наводит порядок, увеличивая ряды своей армии. Некоторые ребята из деревни записались туда. Они стали получать паёк и жалование. Вот только никому и дела нет, что для того, чтобы прокормить одного вооружённого легионера, приходится голодать пару дней целой семье

с малыми детьми и стариками...

Шумная цель приближалась быстро. Это был не зверь. Охотник хорошо отличал это. Притаившись, он стал прислушиваться, не опуская арбалет. Мелькнула небольшая фигура, похожая на ребёнка, и направилась в сторону кабаньей тропы. Юноша бросился на перерез. Ребёнок и кабаны – это может плохо закончиться. Охотнику удалось обогнать бегущего и встать перед ним. Это был белокурый мальчишка. На вид ему было лет двенадцать. Из рта его клубами шёл пар (становилось холоднее) а в голубых глазах застыл ужас, вытянутые вперед руки тряслись, а дыхание было сбивчивым и шумным. Тем не менее никакого вскрика. Охотник понял, что не на шутку испугал ребенка и перевел арбалет в безопасное положение. От его глаз не укрылись синяки и порезы на лице и руках, к тому же одет мальчик был не по погоде, осенью не щеголяют в одной рубахе.

– Ложись в окоп и ни звука! – внушительно прошипел арбалетчик, который уже представлял от кого бежит бедолага, и не замедлил ему помочь. Мальчишка не смел возражать, только лёг и стал глубже дышать, чтобы успокоиться. Охотник накрыл его ветками, а сам двинулся в ту сторону, откуда бежал подросток.

Он шел ни долго и ни мало как вдруг услышал голоса. Подойдя поближе, смог разглядеть вексилляцию. Этот небольшой отряд легионеров пробирался сквозь чащу и остановился для получения новых указаний. В тот момент, когда юно-

ша уже хотел двинуться подалее отсюда, его окрикнули.

– Эй! Ты кто? Стой на месте!

– Стою! – он медленно повернулся к ним лицом. Сердце билось бешено. Охотник старался не выдавать своего сильного испуга и продолжил говорить:

– Ребята, я просто охочусь тут. У меня и разрешение есть.

– Так ты охотник значит?

– Да, – с полуулыбкой ответил он. Хотелось не отвечать, а бежать, ведь не просто так они сюда явились, но продолжил.

– Я просто живу в деревне неподалёку. У моей семьи только один кормилец, и он перед вами. Не возражаете, если я просто пойду и подстрелю зайца, чтобы моей семье было чем отужинать сегодня?

– Ты видел здесь кого-нибудь?

– Никого кроме птиц... хотя...

– Что? Говори всё, что знаешь!

Юноша замаялся. Но тут же решил их сбить со следа ребёнка. Они, при всём своём обмундировании и вооружении, не зная леса, шли так медленно, что вряд ли могли надеется догнать этого легконогого.

– Я шёл на шум какого-то зверя, он завёл меня вон туда!

– Зверя говоришь? – засомневался главный.

– Да... Но потом я услышал шум разговоров и пришёл сюда. Извините, наверное, это ваша дичь. Я просто пойду дальше и не буду вам мешать.

Юноша уже стал разворачиваться, чтобы уйти, но главный

решил припугнуть его.

– Стой!

У охотника зашипало под ложечкой, он был уверен, что всё обошлось, но...

– Ты нас не видел! Понял?

– Понял! – быстро ответил юноша с небольшим облегчением.

Главный, чувствуя его страх, ощущая своё превосходство, прибавил, медленно оттягивая каждое слово:

– Удачной... тебе... охоты... – и прищипнув языком, отправил своих людей в указанное охотником направление.

Ещё пол минуты подождав после их ухода, парень обдумывал дальнейшие действия и двинулся к своему окопу.

Ночная тишь

Деревушка неподалёку называлась Ха́мо, что означает «крюк», так как располагалась вдоль реки, повторяя её крюкообразный изгиб. Главный вход в деревню был у основания крюка, против течения реки. На другой стороне стояло жилище охотника, ближе к лесу. По другую сторону деревни был луг, чуть дальше – поля, на которых сейчас мало что росло. Поговаривали, что высшими силами было заключено небо из-за Властителя, чтобы наказать его за гордыню. Но это были лишь слухи. Что на самом деле случилось никто не знал.

Охотник вышел из своей хижины с деревянным ведром. Оглядевшись, он направился к реке. В деревне не было прежнего шума, веселья, разговоров после трудового дня. Огней было мало, и они слегка потрескивали в ночной тиши. Стрекотали кузнечики, и изредка были слышны лягушки. Казалось, что вокруг спокойно, но от этого спокойствия разило могильным холодом.

Юноша наполнил ведро и быстрым шагом пошёл обратно. Закрыв плотнее дверь изнутри, прикрыв маленькие оконца, он стал осматривать раненного мальчика, лежащего на шерстяной подстилке. Он бережно перелил часть воды в крупную чашу, смочил тряпицу в ней и стал отирать раны. Порезы зашипели от воды и стали слегка светиться. Охотник

испуганно стал вглядываться в раны и лицо мальчика, от напряжения у него чуть не покатались слёзы. Мальчик лежал без сознания. Придя в себя, целитель взял остальную воду и, слив её в котелок, поставил на огонь. Укрыв ребёнка своей охотничьей курткой, он стал перебирать свои припасы, обшаривая бочку и ящик. Наконец найдя подходящую склянку, он потянулся к сушеным травам, подвешенным сверху, растёр их руками и, подсыпав ещё что-то, стал толочь. Когда вода в котелке вскипела, он, сняв котелок с огня, добавил воду в склянку, продолжая помешивать. Затем, накрыв чем-то, поставил около огня.

Впервые за всё это время он остановил все свои спасательные работы и, стоя на коленях и глубоко дыша, смотрел как извивались языки пламени. В его голове друг за другом проносились события, и как только назрел главный вопрос «что делать дальше?», слышались тихие стоны. Отвернувшись от огня, юноша увидел, как мальчик стал бредить, на его лбу появилась испарина.

– Ему жарко. То, что надо! – подумал он, подходя с влажной тряпкой. Обтерев лицо мальчика, охотник стал прислушиваться к бредням, которые тот то и дело произносил вслух.

– Нет... не... н... отпустите... сестра... прости меня... – только это с разной очередностью твердил лежащий в горячке. Когда в какой-то момент мальчишка замолк, парень испугался, думая, что он всё же не выдержал и умер. И когда

он взял его за руку, чтобы проверить пульс, белокурый резко сел на месте и ошарашенно посмотрел на него.

– Я думал ты умер, – чуть не захохотал от неожиданности охотник, – спокойно! Всё хорошо... Ты жив, – уверенно продолжил он.

Мальчик стал выходить из состояния оцепенения и сотрясаясь от горячки с трудом произнёс:

– Пить...

– Вот это другое дело, – охотник взял настой, что с такой тщательностью замешивал ранее и подал его, – осторожно, это ещё горячо, и даже мерзковато на вкус, но тебе нужно выпить это.

Облупившиеся губы едва коснулись питья.

– Пей, я тебе говорю! Я помогу...

Охотнику всё же удалось напоить мальчишку, удерживая от падения.

– Всё будет хорошо, поспи до утра. Я буду рядом, – сказав это, юный охотник наконец выдохнул своё напряжение и, присел рядом, облокотившись о стену.

Огонь медленно догорал. В хижине становилось душно-вато, но это не мешало двоим уставшим спать спокойно.

Крылья птицы

Препоясав свой блёклый, цвета варёных вишен, халат, и потерев свои вытянутые уши, старуха Зилиау принялась осматривать мальчика.

– Тáiго, ты правильно сделал, что дал ему пропотеть. Теперь он справляется с горячей.

– Да, но меня беспокоят его порезы. Я их обработал, а наутро от них не осталось и следа... Будто...

– Будто что? – резковато спросила старуха.

– Я не знаю, – буркнул в ответ охотник, а затем продолжил, – это похоже на магию.

– Ох, ну теперь мне всё понятно, – уже с менее враждебным настроением прошептала старуха.

Она закончила осмотр. Укрыв паренька, который всё ещё был в лёгкой горячке, вышла из хижины.

– Зилиау! – следуя за ней, произнёс охотник, – он будет жить?

– Мне помнится, что я хорошо тебя учила. Ты мне скажи!

– Думаю будет...

– Вот и хорошо.

Старуха сделала пару шагов, а потом развернулась и спросила:

– Ты хороший человек, Тáiго! Я понимаю почему ты спас мальчика... Но что ты теперь будешь делать? Может твоё

предназначение наконец послало тебе восточку? – Зилюау посмеялась, шаркнула ногой и пошла прочь, оставив Тайго обдумывать её слова.

Сейчас не мысли роились в голове юноши, а воспоминания. Он видел рядами уложенных больных людей, их измученные лица, себя ещё мальчишкой с ведром воды и маму, которая поила отваром всех по очереди. Она улыбалась каждому и дарила своей улыбкой надежду на следующее утро.

Её лицо правильной формы, тёмные прямые волосы, собранные в пучок, её зелёный слегка потёртый халат. Ее руки были такими изящными. Тайго вспоминал как мама укладывала его перед сном. Она садилась поближе и делала из своих рук разные фигуры. Больше всего сын любил птицу, и она завершала свой ручной театр именно ею. Лёгкие и грациозные крылья парили перед его глазами, погружая его в сладкий сон.

А затем он вспомнил как его отец, сильный и смелый воин, плакал у умирающей от магических ран жены. Тайго помнил, как светились раны, как мать глядела в пустоту и угасала...

Жалобный стон выдернул охотника из омота памяти. Он повернулся к двери в хижину и зашёл внутрь. Мальчишка лежал на боку по-прежнему укрытый, но взгляд его изменился, стал осознанным. Губы шевелились с трудом, но было ясно, что он просил пить. Тайго поднёс ему питьё. Выпив всё до последней капли, подросток попытался встать.

– Не торопись, парень! Ты ещё слаб. Присядь хотя бы, – охотник усадил его и стал рассматривать, – ты помнишь, что произошло?

Мальчишка кивнул.

– Кто ты?

Паренёк не хотел говорить, он был еще не в состоянии, но выдавил:

– Я Вёрмон.

– Уже хорошо. Я Тэйго. Приляг, поговорим позже, когда тебе будет лучше.

Охотник стал укладывать мальчика, тот не смел сопротивляться. Через пару часов ему стало намного лучше. Тем временем арбалет хорошо послужил своему хозяину. Пернатая дичь стала ужином. Ребята поели. Белокурый молчал. А Тэйго не стал спрашивать. Он понимал, что мальчику пришлось нелегко.

– Пусть лучше сам расскажет, когда будет готов, – думал юноша. Оставалось надеяться, что ждать придётся недолго.

Обещание

– Тáйго, нам нужно идти! – сказал Вёрмон тоном, не терпящим возражений.

Пока охотник разлеплял глаза, мальчишка быстро собрал дорожный мешок, затянул потуже свой пояс и накинул капюшон на голову.

– В чём дело? Ещё даже не рассвет. Ты уже собрался? – все вопросы оставались без ответа.

– Скажи хотя бы куда нам придётся идти? Я не собираюсь идти, не зная куда.

Вёрмон стал так серьёзен, будто ему не двенадцать, а пятьдесят два, казалось, что его глаза видели столько, сколько не уложится ни в одну человеческую жизнь.

– Нам нужно идти, потому что они скоро будут здесь.

Юноша подскочил с места. Надел свою охотничью куртку, закрепил арбалет и мешок. А затем направился к выходу со словами:

– Нужно предупредить остальных.

– Нет времени! – отрезал подросток, вызвав сильное удивление Тáйго.

– Зилияу... Она единственный родной мне человек, – растерянно зашептал охотник.

– Она уже знает и готова, – равнодушным тоном произнёс мальчик.

– Как?

– Я разбудил её первой. Идём.

Двое странников быстрым шагом пересекли деревню, которая ещё спала. Без них здесь будет спокойнее, если, конечно, всё не предадут огню.

Экклёсские вексилляции шерстили всю округу в поисках Вёрмона. Тайго не удалось выудить у него правду, ведь тот сразу замыкался и долго молчал. Должно быть воспоминания ранили его и, делая скидку на детский возраст, охотник на парня не наседали. Но через пару дней он рассказал, что есть ещё и сестра, которую вскоре могут найти, так как братишка невольно выдал её местонахождение, и она в серьёзной опасности. Вёрмон не захотел говорить охотнику всё подробно. Но всё же уговорил помочь ему вызволить сестру. Тайго всегда помогал нуждающимся, так заповедовал его отец. Но был ещё и веский повод попасть ближе к центру Экклёсы, куда Тайго уже давно стремился. Там, как ему стало известно из болтовни легионеров, находится тот, кто убил его мать. Ныне это один из военачальников экклесской армии, а тогда он был командиром вексилляции, мясником, жестоким убийцей. Тайго на всю жизнь запомнил, как тот убивал его мать у него на глазах, как это доставляло удовольствие чудовищу. Белые руки матери стали красными от крови, и она успела только закричать из последних сил: «Беги!». Маленький десятилетний мальчик, каким тогда был Тайго, рванул из-под стола и нырнул под край палатки, это был сво-

его рода лазарет, где его мама, старуха Зилиау и некоторые другие лечили людей.

Малец бежал в лес, так как легионеры заняли реку и разбирались с бунтующими охотниками, жгли дома и людей вместе с ними. Зилиау встретила его тогда и спрятала в лесной землянке.

Когда всё закончилось, и деревня полыхала, старуха с мальчиком пошли обратно. Они стали помогать тушить хижины, оказывали раненым помощь. Старуха не делала скидки на возраст, а велела набрать воды в ведро и собрать тряпье, которое не сгорело, для повязок раненым. Мальчик был в шоке, но делал всё, что ему говорили. Он старался не смотреть в ту сторону, где укладывали погибших, но увидев отца, несущего на руках мать, подскочил и побежал к нему.

Нежное создание умирало на руках крепкого воина. Она была ещё жива, но раны были глубокими. Старуха Зилиау подбежала, чтобы оказать помощь, но увидев свечение, поняла, что всё бесполезно.

– Клинок с магической пропиткой... – только и промолвила она. Отец возрыдал, он был в высшей степени отчаяния. Ничего уже нельзя сделать. Если магия коснулась плоти изнутри, считай, что ты обречён на медленную, но неминуемую смерть.

После того как похоронные костры уже полыхали вдоль реки ниже по течению, отец и старуха Зилиау говорили меж собой, а маленький Тайго сидел неподалёку.

– Похоже, что твой сын видел больше, чем говорит. Ему очень больно, как и тебе.

– Я знаю... Просто я никак не могу не думать об этом звере, что убил мою Эли. Я знаю, что это был Тэрас.

– Командир Тэрас?

– Да. Тот самый, который предлагал мне вступить в их армию. Он, как о нём говорят, не принимает отказов, – на глазах воина выступили слёзы, а челюсть сжалась с такой ненавистью, что казалось, от напора крови лопнут сосуды на его шее. Но тут подошёл Тайго и взял отца за руку.

– Сынок, ты здесь... Я думал, ты пойдёшь спать, – он опустился на колени и крепко обнял сына, – мы осиротели сегодня, ты и я...

– Отец, они с нами так, потому что мы помогали людям?

– Да, – выдавил он, а когда ком в горле отпустил его, продолжил, – потому что мы помогали хорошим людям. К нам всегда приходили нуждающиеся.

– Значит помогать – это плохо?

– Нет, сынок, конечно, нет... Просто те, что на нас напали желали им зла.

– Почему? – мальчик не унимался, он хотел понять почему убили маму и почему они через это проходят.

– Знаешь, мир очень несправедлив. Есть люди, которые считают, что им всё можно, что все, кроме них самих, не должны быть счастливы. Это неправильно. Создатель не задумывал мир таким.

– Почему же Он не исправит? Он же Создатель!

– Это трудный вопрос... Сын мой, Он хочет, чтобы мы были счастливы, Он хочет, чтобы мы понимали, что такое счастье, поэтому дал нам свободную волю. Решать свою судьбу самостоятельно – большая ответственность, но и великое благо. Есть люди, которые избирают тьму, они становятся несчастными. Они могут не понимать этого и губят себя. Они обманули сами себя... Им нужен тот, кто поможет увидеть свет...

– Я хочу, чтобы тот человек умер.

– Какой человек?

– Который убил маму и всех их, – мальчик указал пальцем на огни костров.

– Я знаю... я знаю. Я тоже этого хочу... Но, если мы выберем путь мщения, не сможем вернуться к свету, – говорил он, а самого трясло от горечи, которая наполняла его всего.

– Отец, мне больно.

Только сейчас воин понял, что слишком сильно сжал руку ребёнка.

– Прости, дружок! Я не хотел, – обняв сына крепче, он продолжил, – пообещай, что не перестанешь помогать людям и избирать свет.

– Отец, я... – мальчик хотел было возразить, но отец перебил его.

– Пообещай! Пообещай, что это чудовище не заберет у меня ещё и тебя!

Мальчик опустил глаза. Слёзы поливали его щёки.

– Пообещай! – не унимался отец.

– Обещаю, если ты обещаешь, – произнёс ребёнок так осознанно, что отец увидел в сыне взрослого мужчину. Это предало ему уверенности.

– Я, Вэстлер Шáу, твой отец, обещаю бороться с тьмою и избирать свет, я обещаю помогать добрым людям, когда они будут нуждаться во мне. Теперь ты! – воин выставил руку, чтобы скрепить обещание.

– Я, Тáйго Шáу, твой сын, обещаю бороться с тьмою и избирать свет, я обещаю помогать добрым людям, когда они будут нуждаться во мне, – и сын взялся за руку отца. Они смотрели друг на друга, глаза их блестели. Им было больно. Избирать свет вместо тьмы, когда царит несправедливость во всём мире, нелегко. Старуха Зилиау стала свидетелем их обетов и, подойдя ближе, обняла обоих.

Память об этих событиях была так свежа в сознании Тáйго, будто это случилось вчера. Он никогда не забывал заветов отца и особенно хорошо помнил «бороться с тьмой». Охотник хотел побороть Тэраса, которого считал олицетворением той самой тьмы, средоточием зла.

С установлением правления Властителя ни одному народу не стало легче от его Порядка. Восстания он подавлял кровью, затыкал людей страхом. Эти действенные меры недолговечны. И срок их подходил к концу...

По памятным местам

Великая Экллеса раскинула свои владения очень широко. Начало она брала на северо-западе, где стояла горная цепь Сагбни. Среди горных хребтов, внутри горной породы была высечена крепость с возвышающейся башней Нубэс. Там жил великий народ лускусы. Они были хранителями мудрости и магии. Говорят, что, когда их крепость была впервые атакована, избранные лускусы пожертвовали каждый одним глазом, чтобы защитить Светоч премудрости и при этом обрели бессмертие. Эта история породила множество легенд. Сейчас этот народ рассеян по всему лицу Экллеса. А крепость пустует, наполненная всевозможными ловушками. В тех же горах берёт начало река, которая питает все земли вокруг. Название той реки Лата.

На северо-востоке лежит широчайшее озеро Поиссбн. В тех краях живёт народ особый. Рыба для них всему голова, и живут они в небольшом деревянном городке, построенном прямо на озере. Сваи забиты в землю под озером секретной технологией, которую поиссбны не выдадут даже под страхом смерти. Это очень загадочный народ, который просит у рыбы прощение, когда ловит её. Они в полной гармонии с озером и с живностью, населяющей его.

Между озером и горной цепью, чуть севернее, лучше никому не ходить, ведь там находится Мбртемское болото. Это

жуткая лесная топь, которая поглотила многих путников и воинов, которые хотели отыскать обходной путь в нубэсскую крепость.

Озёрные воды и, частично, воды болот дают истоки для небольшой речушки Маники, которая в свою очередь является левым притоком Латы.

На западе Экклесы – смешанный лес. Это не те, реденькие леса, разделяющие горы, болото и озеро, нет. Это густой необъятный лес с дикими животными и суровыми людьми. В этом лесу есть родник, из которого бьёт чистейшая вода, она настолько прозрачна, что её не видно, если нет световых бликов. Но она к тому же и очень холодная, будто зима наградила этот источник ледяным поцелуем. От этого родника извилистым путём меж лесных холмов плетётся речка Хамо, правый приток Латы. Вдоль крюкообразного изгиба стоит деревня с таким же названием. Там живёт Тайго. Издавна его народ фуррури жил охотой и торговлей мехами. Это были не единственные их занятия. Живя у реки, они, естественно, рыбачили, но фуррури прежде всего охотники. К тому же известны по всей округе как травники. С малых лет фуррури учились определять полезное и бесполезное в растительном мире лесов, без труда видеть ядовитое и то, что может послужить противоядием. Эти знания передавались из поколения в поколение. В фуррури есть особый обряд инициации, Испытания, где ты должен спасти от отравления своего друга, пройдя тяжёлую полосу препятствий, проверяющую физи-

ческую подготовку. Опасный обряд не проводят в условиях военных действий, ведь тогда весь народ заботится о нуждающихся в их помощи. В этом месте есть такой закон: если к фуррури обращаются за помощью, тот не имеет права отказать, даже если это враг. Ничто, конечно, не мешает оставить врага связанным или как-то его обезвредить.

Южнее от соединения Хамо и Латы полноводная река разделяется на две – Западную Лату и Восточную Лату. По левому берегу Восточной Латы раскинулись злачные пажити народа Панэма. Они растят ситарийские злаки. Их огромные поля уходят далеко на восток. Это народ самый многочисленный в Экклесе. Несколько деревень и город, величественный и очень богатый с нескромным названием Афония, что означает «изобилие».

Экклеса заканчивается там, где Западная и Восточная Латы уходят в Дикое море. Дикое, потому что оно подобно зверю, не знающему человеческой ласки, её волны, бьющие о скалистый берег, выглядят угрожающе. К тому же в нём обитают жуткие твари, о которых местные народы больше слышат от мореплавателей с торговых судов.

Торговля здесь, на юге Экклесы, всегда была развита хорошо и жизнь не предвещала особых перемен до тех пор, пока на экклесский берег Дикого моря не высадились сажитты. То было военизированное объединение со сложной внутренней иерархией, своим кодексом. Их трудно было называть разбойниками, хотя они нападали на деревни и города,

грабили, убивали, но многих принимали к себе, убеждая каким-то не мыслимым образом, что всё что они сделали было для всеобщего блага и ради Порядка. Сомнительное заявление. Но так как где есть богатеющие из Афонии, то есть и недовольные. Поначалу всё было внутри панемских владений. И прочих это не волновало. Но главный саджитт, узурпировавший власть, Панемом не ограничился. Так их стрелы и копья долетели до поиссонов. Обложив их данью, новый Властитель не успокоился. Он был очень впечатлён рассказами о нубэсской башне и тем, что там хранится. Для его нового «Порядка» не было места магии, это слишком большое преимущество, которое может оказаться в руках кого угодно. Этого Властитель допустить не хотел, поэтому скорее отправил войско по кратчайшему, на его взгляд пути, через Мёртемское болото. Но ни один не дошёл. Тогда он избрал иной путь к горам Сагбни. Но не тут-то было. Лускусы уже ожидали их и были наготове. Мужественные горцы бились изо всех сил, многие из них погибли. Выжившие бежали южнее в леса. Властитель, уже праздновавший победу, к его жутчайшему сожалению, так и не получил того, что хотел. Лускусы обезопасили Светоч премудрости так, что никто не имел возможности им воспользоваться, но это до поры до времени. Как они это сделали? Повторюсь, легенд об этом немало, но что из них истина?

Израненные, почти умирающие лускусы бежали в лес, где, уже известно, жили фуррури, которые без тени сомнения

взялись за помощь белокурый лускусам. Да-да, белокурый. Этот хранящий ключи премудрости народ был сплошь с белыми волосами. Это выделяло их среди прочих, это же делало их узнаваемыми и уязвимыми.

Травники оказали им помощь и, пополнив их припасы, помогли уйти лесами в разные селения, откуда белый народ рассеялся по всей Экклесе.

Обозлённый таким поворотом дел Властитель приказал своим воинам вырезать каждого четвёртого из фуррури, а каждого третьего взять в плен. Это событие в воспоминаниях лесного народа было покрыто чёрным саваном. Зилиау тогда была маленькой девочкой. Её мать забрали в плен, а отца убили. Она и её бабка были номером один и два. Ныне, будучи очень старой, она ещё помнит, как сильно пахло от платья её бабки потом и мочой, к которому та её прижимала, чтобы успокоить и не дать увидеть смерть отца и вопли матери. Этот запах ударял в её ноздри всякий раз, когда ей приходилось вспоминать тот день. Зилиау было восемь лет, а теперь семьдесят восемь. Она не надеялась, что проживёт так долго, но оказалось, что её история ещё не окончена.

Отвергнутый

Шестьдесят один год назад, когда юной Зилиау исполнилось семнадцать, деревня Хамо была обложена данью после страшной Резни, но жила относительно спокойно. За каких-то девять лет вся округа была подмята под режим Властителя. Своим пределом он определил панемские земли и берег моря, а остальная часть, оккупированной Экклесы, стала именоваться Запредельными землями, с которых он собирал дань. Власть ненавистного саджитта всё крепчала. Слишком много людей были восхищены его силой, не меньше были напуганы. Их было большинство. И так как племена никогда не связывали между собой какие бы то ни было договоры взаимопомощи, и жили они изначально очень обособленно, то их состояние было ожидаемым. И как только в чьих-то головах возникала мысль о бунте, её тут же выколачивали соплеменники, которые хорошо помнили, чем это грозит.

Зилиау, воспитанная бабушкой в строгости, мечтала выйти из-под её опеки. Это значило, что нужно доказать всем, что ты уже взрослая, ответственная и можешь жить самостоятельно. Как уже известно, в фуррури был особый обряд инициации. Нужно было спасти друга, подобрав подходящее средство. Проблема была не в том, что Зилиау не умела этого делать, а в том, что у неё не было друзей. Сыграли ли в этом

какую-то роль воздесущее занудство бабки, либо слишком требовательное отношение самой девушки, было неясно.

Но вот огорчённая таким положением дел Зилиау сидела на опушке леса и собирала травы в свою большую корзину. Её мысли были резки. Она вела внутренний диалог с бабушкой по поводу их утренней стычки. Приводя аргументы в защиту своей точки зрения, девушка яростно срывала травы и связывала их в узлы, применяя силу куда большую, чем требовалось. Она пыхтела так, что не замечала ничего вокруг, пока в шагах трёх от неё не хрустнула сухая ветка. Зилиау со скоростью дикой кошки схватила свой знахарский серп и, подпрыгнув, развернулась, уже приняв боевую стойку.

Секунд семь она стояла в напряжении и молчании громко дыша. Тот, кто её напугал, стоял неподвижно, вытянув венки из луговых цветов. Это был Астам, охотник из деревни, что севернее, ближе к горам Сагони. Он пришёл к ним в деревню вместе с дядей. Войдя в брачный возраст, он не мог ничего взять в жёны в своей деревне, так как Резня забрала многих женщин и девочек. Из тех, кто жили в его деревне, были ещё малыши детьми, а не невестами. В Хамо же обратная ситуация: женского населения гораздо больше. Главы деревень договорились, что будут поддерживать друг друга. Так Астам и оказался здесь.

– Ты чего? – спросил всё ещё застывший в нелепой позе с венком в руках юноша.

– Что ты здесь делаешь?! Я могла ранить тебя! – вся вне

себя, но убирая серп, выпалила Зилиау.

– Мне показалось, что я нравлюсь тебе, – постепенно выпрямляясь и слегка улыбаясь, произнёс он, оглядывая её фигуру, облачённую в мужскую охотничью одежду.

– Это не так! И тебе не следует подкрадываться к людям... У тебя это скверно выходит.

– Ты что, – парень, посмеиваясь, подсел напротив гордячки, – хочешь поучить меня?

– Ты ходишь слишком громко, – пыталась оправдаться она, хотя знала, что это неправда, и что наверняка он специально хрустнул веткой, чтобы обратить на себя внимание, – тебе стоит потренироваться.

Ей было очень неловко, что она была настолько занята своими мыслями, что не услышала его раньше. Ещё один промах. Так она никому не докажет, что может быть самостоятельной.

– Может поупражняемся вместе? – не теряя надежду, продолжал юноша, приходя в восторг от того, как она забавно морщится.

– Нет! – резко отвесила она.

– Почему?

Зилиау искала подходящее оправдание, но оно никак не находилось. Она видела его интересующийся взгляд. Ей казалось, что он ищет в ней недостатки. Во второй раз проверив свой плотный пучок чёрных волос, она взяла корзину с травами и направилась в деревню:

– Мне нужно подготовиться к Испытаниям. Я еще не изучила всех свойств этих трав.

– Я так не думаю. К тому же даже я знаю, что у тебя нет друга для обряда. Друга, который бы доверил тебе своё исцеление, – надавил намеренно он.

– Ты! – злясь на всё вокруг, почти рыча, шипела она, – отстань от меня! Я знаю для чего вы здесь. Я не одна из них!

– Из кого? – подразнивал её Астам.

– Из невест! Я не собираюсь замуж! Понял? Ты зря теряешь время со мной!

Парень задумался, хотел что-то сказать, но смолчал. Его лицо перестало иметь шутливый вид. Что-то решая для себя внутри он не заметил, как она уже скрылась за деревьями. Он хотел окрикнуть её, но не стал. Повесив венок на сук, он присел в тени от полуденного солнца. Он был не грустен, а серьёзен. Светло-карие глаза уставились в одну точку, укрытые густыми крыльями бровей. Выгоревшие на солнце короткие темные волосы прилипли ко лбу. Традиционные средней длины, плотно сплетённые косы свисали позади, прикрывая шею. Его охотничья куртка была обтянута португеей. Мягкие охотничьи сапоги плотно сидели на скрещенных ногах.

Астам был не из тех, кто уничижает женщин. Он охотник и хорошо знал животный мир, что он разнообразен и одно животное не похоже на другое. Например, он очень уважал волков. Они, по его наблюдениям, переходя из одного места

пребывания в другое, дают возглавлять стаю более слабым и старым волкам, а вожак идёт позади, чтобы никто не запоздал и не сбился с пути. Они заботятся друг о друге. И охотятся все вместе. Он также видел нечто завораживающее в диких кошках. Зилиау напоминала ему одну из них: быстрая реакция и упрямство, гордость и достоинство, – это те качества, которые выделяют эту девушку среди всех. Может было странно делать такие выводы спустя неделю знакомства, но он положился на своё чутьё охотника, а может и что-то ещё.

Изначально их поездка была намечена сроком на один месяц. Глава деревни устроил большой праздник, на котором много говорилось о дружеских узах между родами фуррури, о значении этих посиделок, на которые должны были приходиться все девушки без исключения.

Вот и сейчас, когда Астам сидел под тенью дерева, он вспоминал эти первые посиделки, где Зилиау не могла найти себе место и с угрюмым лицом сверлила гостей взглядом, а когда начинались танцы, отправлялась на реку, пока никто не видит. Она так думала. Но юный охотник из предгорной деревни весь вечер следил за ней и при первой же возможности отправился туда же.

– Не нравится праздник?

Девушка не ожидала, что встретит здесь хоть кого-то. Особенно когда она хотела разоблачиться и поплавать. Она пристегнула ремень обратно и стала натягивать свои сапоги в полном игнорирующем молчании.

– Ты похоже неразговорчивая... Я Астам. Хотя ты, наверное, уже знаешь, ведь за столом меня звали по имени все, кому не лень.

– Это точно!

– Ба! Ты не немая! Я очень рад, ведь уже засомневался, – по-доброму посмеиваясь сказал молодой человек.

– Возвращайтесь лучше на праздник, Астам! – довольно резко ответила на его ухмылку Зилиау.

– Оо... Я так неприятен? – всё ещё не сдавался парень.

– Для тебя есть разница?

– Думаю, да.

– Просто люблю быть одна.

– Значит всё не так плохо, – улыбнулся Астам очень просто, перестав флиртовать, – я тоже люблю быть один, но в вашей деревне это трудно устроить... Тяжело быть центром внимания.

– Хочешь сказать, что тебя не воодушевляют эти томные вздохи провожающих тебя девиц?

– Вовсе нет. Это глупо. Они меня даже не знают.

– Что-что? Так ты ещё и умён? Это так неожиданно, – иронизировала с улыбкой девушка.

– Представь себе... – он засмеялся, – а кого ты видишь, глядя на меня?

Зилиау посмотрела юноше в глаза. Она читала в них глубину каких-то тревожных мыслей. Молодой человек пытался быть весёлым, но у него на лице отпечаталась грусть. Она

видела умного и крепкого мужчину, но не стала об этом ему сообщать, так как свои же мысли приводили её в смущение.

– У тебя есть секрет. Ты его спрячешь, и он печалит тебя.

Парень изумился от этих слов. Она будто внутрь него глядела. Он даже подумал не читает ли она его мыслей. А потом спокойно сказал:

– Ты права. Это даже странно. Не этого ответа я ждал от тебя.

– Зилиау.

– Что, прости?

– Моё имя Зилиау. Зови меня по имени.

Парень улыбнулся одним уголком губ, а взгляд смягчился, но был такой же грустный.

– Извини, Зилиау, гордая жительница Хамо, я тебя оставлю. Но мы ещё поговорим.

– Хмм... – только и произнесла она в ответ.

Зилиау в тот вечер осталась в одиночестве. Шум праздника быстро угасал. Сняв свои сапоги и, присев на деревянную пристань, девушка спустила ноги в воду. Река ничуть не нагрелась за весь день, ледяной поцелуй зимы не даёт ей прогреться даже летом. Сейчас это было даже лучше. Нужно было прийти в себя, взбодриться... Но болтая ногами, Зилиау не могла думать не о чем другом кроме юного охотника, у которого был какой-то секрет в придачу к силе и уму. Она не считала его красавцем. Он – мужчина, а значит внимание деревенских девушек ему обеспечено. Она вздохнула от то-

го, что никто из этой толпы не способен разглядеть в мужчине человека. Никто так и не поймет, что парень столько же разумен, сколько силен. Он обречён быть непознанным. Ей стало жаль его... Но малейшая мысль о симпатии к юноше её испугала.

В это время кто-то, негромко смеясь, шёл через кусты к реке. Зилиау резко вынула ноги из воды и взяв сапоги в руки отправилась быстрым шагом к дому, решив больше не позволять себе об этом думать.

Внимание

Всю ту неделю до встречи в лесу Астам и Зилиау молча встречались взглядами на общих трапезах, которые стали привычными после приезда гостей, на совместных вылазках для охоты, на состязаниях в стрельбе из лука.

Девушки окружали гостей всюду: приносили им воду, подавали тканые полотенца, дарили рукодельные подарки. Их девичий смех всегда сопутствовал шествию мужчин. Зилиау это очень злило: то, как девушки стелились перед мужчинами, и то, как мужчины принимали их внимание как должное. Её не беспокоило то, что она не похожа на них. Но было непонятно почему Зилиау настолько от них отличается. Неужели только ей так хочется быть независимой? Почему её не привлекала мысль быть чьей-то женой, заткнутой за пояс? Этих «почему» было много. Юная гордячка была настроена решительно. Вместо показательных состязаний она устраивала свои, тренируясь в лесу, подальше от чужих глаз, бросая охотничьи ножи с удивительной точностью на любое расстояние. Стреляя из лука, она сбивала шишки с самых макушек деревьев на разном расстоянии, бегала по пересечённой местности за лисой.

Будучи очень довольной собой, Зилиау не пренебрегала и травмами. Но тут было сложнее, ведь нужно было знать пропорции их смешивания, чтобы получался нужный эффект.

Её обучала её мудрая строгая, но уже очень старая подслеповатая бабка, которая передавала рецепты зелий по памяти, и сдавала она с каждым днём всё больше. Это стало поводом для экспериментов, которые дали свои плоды. Зилиау улучшила некоторые снадобья. Она даже взялась за глазные капли, которые улучшили зрение её бабки, но эффект был недолгим, всего несколько часов, а потом бабка снова погрузилась в слепое отчаяние.

– Лучше бы я не видела этого! Ты даёшь мне ложные надежды... а с ними я не стану зрячей.

Девушка не понимала, как тяжело было её бабушке. Ей казалось, что она близка к тому, чтобы сделать её хотя бы немного счастливой. Тяжёлый характер всегда прикрывал боль его владельца. Раньше это было закрыто для Зилиау, но сейчас она почувствовала подобное, отгораживалась от всех, чтобы не быть раненной и не успеть серьёзно навредить другим, ведь чем человек ближе и родней, тем сильнее может заставить страдать.

На очередной совместной трапезе Астам ушёл со своего почётного места и сел рядом с Зилиау. Она чуть не подавилась, когда поняла, что он направляется именно к ней. У всех на глазах он сделал такой жест внимания. Она опешила. Внутри неё всё вдруг закипело: «Да как он мог так с ней поступить?! Почему он позволяет выделить её, не спросив позволения? Что это вдруг может означать?» – она перебирала всё это и молча ела, резко откусывая кусок за куском.

После трапезы юноша хотел ей что-то сказать, но она не дала ему этого сделать. Она быстро встала и стремительно отправилась в сторону дома, где бабка, поев самостоятельно, уже собиралась выйти, посидеть у хижины, под тёплыми лучами летнего солнца. Их столкновение у входа оставило обеих недовольными.

– Что ты несёшься?! Неужто и ты перестала видеть, как и я?

– Прости, бабушка. Позволь помогу тебе.

– Нет! Уже помогла. Плечо так болит, что рука не поднимается. Кто тебя спугнул?

– Никто.

– Правда? А мне Мира сказала, что тот молодой охотник из гостей, не сводит с тебя глаз.

– Глупая она, бабушка. Ей показалось.

– Не смей! Мира моя подруга с самого детства...

– Это не делает её менее глупой. Всегда распускает свой язык. Она сплетница. Все об этом знают.

После этих слов бабка не стерпела и вlepила своей старой костлявой рукой звонкую пощечину своей внучке. Зилиау не ожидала этого. Градом полились на её лице слёзы.

– Я знаю, что она сплетница, но ты так неуважительно говорить о ней никогда не смей! – отчеканила резким тоном слепая, но очень гордая старушка.

Девушка ничего не стала говорить, она всё поняла, ведь нет ничего крепче, чем дружба её бабушки и Миры. Об этом

тоже знали все.

Молча уткнувшись лицом в стену, она присела на корточках. Слезы лились, а в голове мысли сменяли одна другую. Знаки внимания в их племени всегда имели большое значение. Астам выделил её. Хуже всего может быть только цветочный веночек, который будет означать, что среди всех девушек в деревне он выбрал именно её в качестве невесты. Она боялась, что так он и сделает, если она ничего не предпримет.

Вытерев слёзы, она вышла из хижины, прихватив узел с бельём для стирки. Бабка сидела на своём привычном месте и демонстративно повернулась лицом в другую сторону, когда слышала шаги Зилиау. Девушка направилась к реке. Дойдя до деревянного мостка, она потуже подвязала свой халат, подвернула длинную юбку и подвязала её повыше. Достав бельё из узла, она стала тереть его глиной, а затем полоскать в воде, свешиваясь с мостка. В это время к ней подошли девушки, чьим вниманием Астам пренебрёг.

– Стало быть ты! – вызывающим тоном произнесла одна, а было их, кстати, трое.

Зилиау проигнорировала их, продолжая полоскать бельё в холодной воде.

– Так и будешь молчать?

– Конечно, она же немая, как её бабка.

– Да, точно! – и они стали хохотать, будто шутка удалась.

– Моя бабушка слепая, а не немая, – негромко прогово-

рила Зи́лиа́у, улыбаясь их глупости.

– Надо же кто заговорил?! Может тогда ответишь, почему такой красивый парень вдруг обратил внимание на такую как ты?

– Играешь в недотрогу. Думаешь на это его поймать?

– Что? Мне дела нет до вашего красавца, – не стерпев выпалила горячка, выпрямляясь.

– Может он и выберет тебя, но что дальше?

– Да-да, – вторила вторая.

– А дальше ничего. Потому что ты не способна быть женой и хозяйкой. Не даром бабка твоя так похудела, готовишь, похоже отвратно.

– Хватит, – пыталась урезонить их третья.

– Нет, я больше скажу. Ты и матью быть неспособна, ведь у самой ни матери, ни отца!

– Замолчи! – разгневанно почти прорычала Зи́лиа́у.

– Ну уж нет! – одна из девушек, разгорячённая вышла вперед, а другие стали её придерживать, потому что та уже готова была вцепиться в противницу, – я потратила слишком много сил, чтобы завоевать его: дарила ему подарки, готовила для него, приносила тёплое одеяло, слушала бесконечные истории его дяди, стирала их бельё, к тому же красотой я не обделена, а ты...

Зи́лиа́у, уже слегка успокоившись от прослушивания продолжительного списка преимуществ над нею, решила сказать:

– Он мне не нужен.

Девушки замерли. Они не ожидали этого, ведь были уверены, что она специально так себя ведёт, чтобы заполучить себе мужа. От здешних парней Зилиау нос воротила, будто выбирала. Но сейчас она стояла перед ними босая, с подвязанными юбками, мокрая и спокойная.

– Что? – переспросила одна.

– Мне муж не нужен. Вы зря на меня ополчились. Я не знаю, как от него отвязаться...

– Всегда знала, что ты странная. Как же ты собираешься жить? Мы ровесницы. Бабки твоей скоро не станет, выйти замуж – это твой шанс.

– Это не мой путь... Я пройду Испытания.

– Ты сумасшедшая! – чуть не взвизгнула от удивления и испуга та, что больше всех нападала, – да и кто согласится пойти с тобой в пару?!

– Я на вас и не рассчитываю. Оставьте меня в покое. – устало ответила Зилиау.

Девушки переглядывались и перешёптывались друг с другом, пока объект их обсуждений выжимал бельё и складывал его в узел. А когда Зилиау проходила мимо них, та, что всех одёргивала во время перепалки, сказала:

– Удачи тебе.

Зилиау кивнула в ответ и ушла. Девушки проводили её взглядом, и тоже разошлись.

Незадачливый

Астам вернулся из леса, где его отвергла Зилияу, довольно поздно. Вечерняя трапеза уже закончилась и все задавались вопросом, где может быть юноша. Только его дядя был спокоен, так как знал куда и зачем он ушёл. Он уже надеялся, что вскоре они вернуться в свой родной край и не будут привлекать столько внимания, от которого все уже устали. Прошло уже три недели с их прихода сюда и все эти совместные трапезы, и посиделки выматывали и жителей, и гостей.

– Аку́тус, друг мой, где же твой племянник? Ты сказал, что он задержится, но он так и не появился.

– Не тревожьтесь. Вот и он, – ответил дядя, завидев издали племянника, – пойду, узнаю, как он.

– Возьми ему поесть. Я отложил для него, – и глава деревни, добродушный и щедрый, передал корзинку.

– Спасибо, это очень кстати.

Дядя быстрым шагом отправился навстречу Астаму. Ему лет тридцать семь. Он широкоплеч и коренаст, с такой же причёской, что и племянник, только волосы мягче. Его нос с горбинкой занимал половину его вытянутого лица, а брови были густы как лес в самой глубине, куда человек вряд ли ступит своей ногой.

Они встретились у хижины, которую глава деревни выделил для гостей, недалеко от трапезной. Дядя сразу понял, что

что-то пошло не так. Вид племянника внушал ему мысль, что застряли они здесь надолго, а это вгоняло в тоску. Вздохнув, Аку́тус вошёл в хижину вслед за юношей.

– Астам, тебя не было на трапезе... – начал было дядя.

– Да, знаю. Прости, что оставил тебя одного.

– Ничего. Я думал, что ты сплёл веноч... – хотел продолжить Аку́тус, но не успел.

– Не хочу говорить пока об этом, – сказал Астам спокойно, но грустно.

– Ничего. Не торопись.

– Дядя... почему ты доверился мне на Испытаниях?

Аку́тус очень удивился вопросу, тем более что не понимал к чему ведёт его подопечный, но всё же ответил:

– Я сам тебя всему научил, к тому же, если не тебе, то кому мне доверять? Ты мне, как сын.

– Понятно, – и парень вновь погрузился в томительную задумчивость.

– Может всё же расскажешь? – решил допытаться дядя, ведь то, что он видел ему совсем не нравилось. Его племянник, сын его брата, сильный и смелый Астам сейчас грустит так, как когда умер его отец, защищая их всех во время Резни. Тогда он ни с кем не мог говорить. Ему было одиннадцать, а Аку́тусу двадцать восемь. В том месиве он потерял жену. Горю всех и его в том числе не было предела, но этот мальчишка нуждался в отце, которого тоже не стало. И тогда Аку́тус принял решение посвятить жизнь тому, чтобы вы-

растить Астама вместо сына, который так и не родился у него самого.

– Она не как все прочие... Дядя, она видит меня насквозь.

– Значит эта девушка уже покорила твоё сердце? Берём её и пойдём отсюда. Что не так?

– Она да, но не я.

– Зачем спрашивать мнение у женщины? Она должна быть благодарна за честь, что ты ей оказываешь, – непонимающе прокомментировал дядя.

– Я не хочу её принуждать. Она... – юноша хотел продолжить, но дядя перебил его.

– Особенная.

– Да.

– Знакомая история... Твой отец тоже так сказал про твою мать. Я тогда не понимал его. Они были такими... ну, как одна плоть, понимаешь? Они и разговаривали одними переглядами... Знаешь... я любил свою жену. У нас всё было не так, как у твоих родителей, мы часто ссорились, но я её очень любил.

– Что ты хочешь сказать?

– Что не всем везёт так, как моему брату. Он её тоже не принуждал. И был счастлив. Я же взял своё нажимом. Моя Эри сперва ненавидела меня, но потом полюбила, не сразу, но полюбила. Это она сказала, когда угасала у меня на руках.

– Дядя, я всё же не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Я к тому, что поступай, как знаешь.

– Ты ужасный советчик! – съязвил Астам, и они оба зали-
висто засмеялись.

На следующее утро юноша отправился на реку, чтобы
умыться. Там он был один. И решил не ограничиться лицом
и руками. Зайдя в заросли, он снял с себя одежду и обувь.
Вода была, как всегда, холодная, поэтому он входил в неё
медленно, постепенно привыкая. Ничто его не отвлекло от
чарующего восхода и чистой воды, которая серебрилась на
солнце. Наконец-то он мог отдохнуть от сотен глаз, которые
ежедневно его преследуют. Это и девушки, жаждущие стать
жёнами, и юноши, завидующие его положению гостя. Все
они остались где-то далеко. А он ощущал свежесть и бод-
рость. Погрузившись в воду полностью, он пытался рассла-
биться. Его немускулистое, но крепкое тело приподымалось
при вдохе и опускалось при выдохе.

И в тот самый момент, когда он уже собирался вылезать
из воды, он услышал голоса. То был парень и девушка. Они о
чем-то спорили, и Астаму не хотелось им мешать, хотя боль-
ше ему хотелось скрыть свой обнажённый вид. Мокрый юно-
ша подплыл ближе к кустам и притих.

– Что с тобой в конце концов? – с негодованием произнёс
парень. В ответ девушка ничего не говорила, а шла вдоль
реки, ниже, чем находился Астам.

– Стой! – не унимался юноша и схватил девушку за руку.

– Нет. У тебя нет права так делать. Ты ещё даже не муж-
чина! Пусти меня!

– Но, Га́уи, ты же знаешь, что я люблю тебя!

– Я тоже. Но совсем скоро всё может измениться. Если ты не поторопишься, венок для меня сплетёт кто-то другой.

– Что?

Девушка встала напротив юноши и прижала свои ладони к его щекам. Она плакала. Он смотрел на неё непонимающим взглядом.

– Трбу́ вызвался пройти Испытания.

– Но... – девушка не дала ему договорить, а зажала ему рот ладонью.

– Если ты не поторопишься, для меня сплетёт венок кто-то другой.

Девушка убежала, а парень стоял в полной растерянности. Он никак не мог решиться сделать шаг, но неожиданный чих вывел его из этого состояния.

– Кто здесь?

Астам, который уже изрядно подмёрз, стал вылезать из воды.

– Ты?

– Я.

– Что ты здесь делаешь?

– Хотел освежиться. Но в итоге продрог. Как же долго она не уходила, – отшутился юноша, старательно растираясь и одеваясь.

– Ты всё слышал? Как ты мог? Неужели нельзя было...

– Встать и показаться девушке в чём мать родила?

– Это всё равно неправильно.

Парень был расстроен, что стал посмешищем для постороннего и не находил слов, чтобы выразить своё негодование. Астам не хотел оставлять его таким и предложил пойти с ним.

– Пойдём, – абсолютно раздавлено произнёс незадачливый влюблённый. И оба направились на охоту, захватив оружие в хижине Астама. Оба были в неловком положении. И говорить об этом им не хотелось. Подстрелив пару зайцев, они вернулись в деревню. Вместе освеживали дичь и позволили девушкам, которые вились рядом, приготовить тушки к трапезе. Ребята же снова направились к реке.

– Скажи, а это страшно?

– Что именно, Марк?

– Проходить Испытание?

Астам присел на берегу, а паренёк остался стоять.

– Не стану врать. Это действительно жутко. Мой дядя, с которым я пришёл сюда, был моим другом по обряду. Я думал, что больше его не увижу. Но он во мне не сомневался ни секунду. Это придало мне сил, я пошёл и всё сделал. У тебя есть друг?

– Да. Есть. Это мой брат. Он прошёл Испытание два года назад. Правда ему не очень хочется мне помогать. Вместе с ним Испытание проходили ещё четверо. Один погиб.

– Ясно. Но ты то уверен в своих силах, знаниях?

– Да, но я... – неуверенно начал мямлить Марк.

– Значит нет. Что не так?

Марку было стыдно. Он не чувствовал себя готовым ни к чему. Он был влюблен, но его возлюбленная медленно ускользала из его настоящего, оставляя перспективу безрадостного будущего.

– Оружие. У меня будто руки не из того места...

– Значит с травмами полный порядок, это уже хорошо. – улыбаясь одним уголком рта, ободрился Астам.

– Боюсь, что нет. Тут, наверно, даже сложнее...

– Не удивительно, что твой брат не хочет помогать... – ответил бубнением под нос собеседник.

– Что? – не расслышал паренёк.

– Ничего, Марк. Я ничего особенного не сказал. Давай поступим так, – соображая, что к чему, предложил Астам, – я помогу тебе с оружием, – затем охотник заколебался, но продолжил, – а с травмами тебе поможет тот, кто в них превосходно разбирается.

– Кто? – удивлённо спросил Марк.

– Зилияу! Она знает о травах всё!

– Ты с ума сошёл? Она не станет помогать.

– Почему?

– У неё такой характер...

– Я сам с ней поговорю, приятель. Всё будет хорошо.

– Не думаю. Она так разозлилась, когда ты подсел к ней за трапезой.

– Пусть. Она не откажет тому, кто нуждается в её помощи.

Ребята ещё посидели на берегу, размышляя каждый о своём, а затем, медленно побрели к общему столу за вечернюю трапезу.

Друг

Зилиау шла на опушку леса, ругая себя и кляня за то, что согласилась на эту встречу. В голове были тысячи вариантов отказа, но она не воспользовалась ни одним из них. Она не могла понять, как ему удалось в два счёта уговорить её. Астам сказал, что необходимо встретиться на опушке и что нужна её помощь. Так, фыркая и раздражаясь, она и дошла до нужного места.

Там её уже ждал Астам. Он стоял спиной, но по его виду было понятно, что он слышал, как она подошла. Девушка хотела было уже что-то сказать, как в этот момент Астам открыл перед ней Марка.

– Ты пришла!

– Ты сказал, что нужна помощь. Кому?

– Мне.

– Понимаешь, Зили, паренёк не смыслит в травах, а хочет пройти Испытания.

– Что?

– Я говорю, нужна помощь с травами...

– Нет, не это. Как ты меня назвал?

– Тебе не нравится «Зили»?

Девушка передразнила юношу одной мимикой. Это было забавно. Даже Марк не удержался и залился таким детским хохотом, который заражает всех, кто его слышит. Глядя на

него, Зилиау тоже стала смеяться, а её подхватил Астам.

Затем, уgomонившись, они обговорили детали. Зилиау была согласна помочь, но внутри её угнетала мысль о том, что Испытания начнутся скоро, а она так и не в состоянии найти себе пару для обряда. Глубоко внутри она надеялась, что ребята придумают что-то и для неё, но не была в этом уверена.

Последующие две недели они собирались вместе на расвете и тренировались. Девушка тоже упражнялась в стрельбе и беге с препятствиями. А после помогала разобраться с целебными снадобьями. В последний день перед Испытаниями Зилиау была чем-то подавлена. Когда они вместе перешли овраг, она споткнулась. Это было неожиданно, ведь она передвигалась с грацией кошки и с той же внимательностью. Астам дёрнулся к ней, чтобы помочь встать, но она отказалась от помощи. Марк, видевший всё это, хотел что-то сказать, но встретившись взглядом с Астамом, передумал. Он решил пойти подальше и осмотреться.

– Нам нужно возвращаться. – выдавила через усилие Зилиау.

– Тебе больно? – сопереживающе спросил Астам, слегка приближаясь к ней.

Зилиау сидела на земле неподвижно. Сквозь деревья проникали лучи солнца и то и дело освещали её лицо. На нём поблёскивали слёзы. Девушка была напряжена, сдерживая рыдания, которые хотели вот-вот вырваться наружу.

– Если тебе больно, я могу помочь. – подходя всё ближе мягко настаивал юноша.

– Я просто ушибла ногу, – она проглотила ком, подкативший к горлу с большим трудом. А Астам не стал больше ничего спрашивать, но обошёл её и встал на колени. Он стал осматривать ногу. Чуть ниже колена нога припухла. Напоролась на камень. Его прикосновения были очень мягкими, будто он приручал маленького котёнка. Зилиау не сводила с него взгляд, Астам чувствовал это и краснел. Он впервые прикасается к девушке, к тому же она ему небезразлична. Это неловкое молчание нарушил Марк, окрикнув обоих:

– Здесь родник!

Юноша резко подхватил Зилиау на руки и понёс на голос Марка. Девушка не сопротивлялась. Ей было слишком больно и обидно, и не хотелось говорить. Приблизившись к воде, Астам помог снять сапог и закатать штанину юной гордычке. А она, держась за его руку, опустила ногу в ледяную воду.

От Марка не укрылось странное поведение этой парочки. Это была не просто помощь нуждающемуся. То, как их потряхивало от прикосновений друг друга, краснеющий от смущения Астам, необыкновенно молчаливая Зилиау, которая бы уже сказала что-то резкое в своём стиле, но ни словечка не произнесла.

Долго ногу держать в ледяной воде было нельзя, но и этого было достаточно, чтобы отёк стал значительно меньше.

Троица направилась в сторону деревни, но вдоль течения

родникового ручья, где путь был более пологим. Сначала девушка шла, опираясь на ребят, но, позже ей стало легче. До деревни она дошла одна и, не попрощавшись, отправилась в свою хижину. Ребята обменялись рукопожатиями и тоже разошлись.

На вечерней трапезе должны были объявит всех участников завтрашних Испытаний. Собралась вся деревня. Усевшись, по обыкновению, по кругу, народ обменивался угощениями, дети бегали взад и вперёд, кто-то громко разговаривал, девушки перешёптывались и хохотали, обсуждая кого-то. Астам с дядей Аку́тусом сели на своё привычное место рядом с главой деревни. Это было напротив отдаляющегося берега реки. Марк с братом сидели по левую сторону от Астама, девушки по левую, Зилиа́у – напротив. Даже её бабушка, впервые выбравшаяся на общую трапезу, уселась рядом с Мирой, а та рассказывала ей всё, что видит. Кругом царил суета. Марк обменивался взглядами со своей возлюбленной. Она вздыхала, но глаза её по-прежнему были полны взаимного к нему чувства. Астам молча ел и изредка поглядывал на Зилиау, которая ничего не ела и сидела, опустив глаза. Она была такой отрешённой, будто смирилась со своей участью.

После того как солнце закатилось за горизонт и были зажжены факелы и большой костёр в центре круга, глава деревни объявил, что пришло время объявить участников состязаний. Он призвал к себе друзей испытуемых, которым при-

дётся принять зелье для обряда. От Трёу вышел его друг детства, который вместе с братом Марка участвовали в Испытаниях два года назад. От Марка, естественно, пошёл его брат, хотя и бледнел от одной мысли, что его щуплый братишка может не успеть его спасти. Все стали отстукивать традиционный для Испытаний ритм, глава деревни собирался произнести вдохновляющую речь, но его перебило то, что к «друзьям» вышел Астам. Он встал среди них, а все вокруг стали переговариваться друг с другом, пытаясь выяснить за кого он встал.

– Астам, за кого ты встал? За Марка уже вышел его брат...

– начал было уже глава, но юноша перебил его.

– Зилиау. Она ещё один участник, а я её друг.

Воцарилась тишина, которая нарушалась лишь тихим шёпотом.

– Зилиау, что говорит это юноша?! – недоумевая обратилась к девушке её бабка. Все вокруг молчали, чтобы услышать, что она ответит. А она встала и вопросительно посмотрела на её «друга». Астам подошёл к ней и сказал на ухо:

– Тебе не нужен муж, тебе нужен друг. Я это понял. Я просто хочу помочь.

– Но... Ты... Я... – впервые пыталась подобрать подходящие слова, но не находила.

– Я тебе нужен. И я здесь. Если ты по-прежнему хочешь быть независимой... – хотел было продолжить Астам, но девушка перебила его.

– Если ты мне доверяешь...

– Доверяю. – спокойно и твёрдо сказал юноша.

Зилиау вышла вперёд и обратилась ко всем:

– Жители деревни! Возможно, вас удивило это заявление, но это так. Я собираюсь участвовать в Испытаниях и стать независимым членом народа фуррури. С незапамятных времён таковыми становились одинаково и мужчины, и женщины. Мы помним этих людей по именам и гордимся ими. Я хочу внести свой вклад. Резня забрала у нас много хороших, добрых и честных людей. Я не хочу, чтобы они забылись. Там были мои родители, как и у многих из нас. Мы все кого-то и что-то потеряли. И сейчас я хочу приобрести честь для моего рода. Все условия соблюдены и нет причин, которые бы могли меня остановить.

Зилиау повернулась к главе деревне. Это был седой старик без одной ноги до колена. Он опирался на палку при ходьбе. Его морщинистое лицо запечатлело на себе всевозможные эмоции. А глаза были мокрыми от подступивших слёз. Он смотрел на землю и тихонько произнёс:

– Я не могу.

– Но как? Вы должны мне позволить! – чуть ли не в отчаянии запротестовала девушка. Все вокруг загалдели. А старая почти слепая старуха подошла и положила свою костлявую руку ей на плечо.

– Она пройдёт Испытания! Раз она решилась, то пройдёт их. Никто не может ей этого запретить.

Зилиау будто слышала не свою бабушку, которая всегда и во всём попрекала её, а какую-то чужую. Она не верила тому, что слышит и повернулась, чтобы удостовериться. Это была её родная старушка. Свет костра освятил её бледнеющие глаза. Девушка смотрела на неё и была удивлена и невероятна рада, что она вступилась за неё.

Глава деревни больше не мог возражать, хотя и очень хотел. Собрав участников всех вместе в своей хижине, он объяснил кто что должен будет делать завтра. Оставив с собой только «друзей», он протянул им чашу, в которой лежали свёрточки, что умещались в ладонь. Каждый вытянул свой и развернул. Внутри лежали разные травы. У кого-то корень какой-то травы, у кого-то лепестки, кому-то досталась кора редкого дерева. Под его чутким руководством каждый из них сварил зелье из этих ингредиентов и залил во флакон. Всё это были яды медленного действия, для которого нужно было противоядие.

Испытание

В предзакатные сумерки девушка в охотничьей одежде стояла на склоне оврага и прислушивалась. Оповестительные знаки уже закончились. И её цель должна быть где-то здесь. Она, казалось, уже осмотрела всё вокруг, но никак не могла найти то, что её направит. Пульс был бешеный. Она дышала очень шумно, ведь до этого пробежала большое расстояние по пересечённой местности. Она стреляла по мишеням и обезвреживала ловушки. Время уже было на исходе, но её «друга» нигде не было. Её начало трясти от волнения за него. Ведь он уже принял зелье и ждал её где-то. Он доверился ей. А она оказалась такой беспомощной, такой глупой и растерянной. Ей уже представилось как она находит несчастного, но уже не в силах ему помочь. Так и случилось бы, если бы она не закрыла глаза и не начала прислушиваться снова.

Шум ветра, который мешал ей всё это время, стих. За стоявшими вблизи деревьями послышался тихий стон. Девушка ринулась туда. В листве пышной кроны дерева Астам был привязан к стволу. Голова его клонилась на плечо, он тяжело дышал. Веки тяжело поднимались, всё для него вокруг было мутно. Когда его щеки коснулась женская рука, он уже не мог реагировать. Девушка с большим трудом спустила его на землю, так как подвязан он был довольно высоко. Осмотрев

его, она терялась в догадках что он принял. Она будто позабыла всё на свете. Он стал для неё что-то значить и это побавило хладнокровия. Она расстегнула его рубашку и посмотрела на кожу, которая была бледновато-зеленоватого оттенка. А вены стали сильно выделяться. И тут её озарило. Она быстро обшарила свой пояс с закреплёнными зельями и соединила несколько снадобий в пустом флаконе. Но это было не всё. Она осмотрелась и полезла на дерево, с которого сняла юношу. Оцарапав кору охотничьим ножом, подставила флакон, в который капнуло пару капель сока. Осторожно спустившись, она присела на колени и, придерживая голову Астама, напоила его. Она боялась, что не успела. Подтянув его к себе, девушка обняла его и стала покачивать. А сама смотрела на серо-голубое небо, к которому тянулись макушки деревьев. Стало прохладно. Астам не приходил в себя. Охотница прижалась к его лбу губами. Он был тёплый. Она прижала его к себе ещё сильнее и почувствовала ритмичный стук его сердца. На плече она ощущала его ровное дыхание. Тёплые струи воздуха, вселяли в неё надежду.

Просидев так с полчаса, она заметила признаки его пробуждения. Он стал приоткрывать глаза, слегка постанывая. Повернув к ней лицо, он как следует вдохнул.

– Зилиау... – нежно произнёс он.

– Это я, Астам. Это я.

– Я знал, что ты придёшь. – говорил он так же спокойно.

– Я чуть не погубила тебя. Я... не могла тебя отыскать. –

запричитала она.

– Тсс... – шёпотом произнёс он. – всё позади. Теперь ты та, кем хотела быть.

– Что?

– Ты свободная женщина! Независимая фурурури! Я тебя люблю, – произнеся это, он медленно сел. Она оказалась у него за спиной и молчала. – нам пора возвращаться.

Они молча побрели обратно уже не той дорогой, которою она пришла сюда, а той, что была более ровной. Стало темно и идти было непросто, но, взошедшая луна, освещала их путь. Астам опирался на девушку, так как был ещё слаб. Его то и дело выворачивало, он слишком долго был под действием зелья, но не жаловался ни минуту. Смешанные чувства были внутри него. Ему было неприятно, что Зили ответила на его признание ничем, что не отблагодарила за помощь. Он оправдывался перед самим собой тем, что просто хотел помочь и не должен ожидать ничего взамен. Но его это корбило, ведь он – человек, а не воплощение праведности и бескорыстия.

Испытуемые уже давно вернулись, и почти вся деревня встречала их у центрального костра среди деревни с криками и слезами радости, с едой, песнями и танцами. Но не хватало одной парочки. Марка и его брата охватила тревога, памятуя прошлые Испытания. Прошло пару часов с тех пор, как пришли последние ребята, уже стемнело, и глава деревни отправил пару охотников с Аку́тусом на поиски Астама и

Зилиау. К тому моменту, когда дядя наконец встретил своего племянника в лесу, половина деревни разбрелась по хижинам. У костра остались испытываемые и их родные. Слепая бабка сидела у костра, лицом устремляясь в лес.

Наконец показались они. Охотники вели Астама, поддерживая с обеих сторон. Зилиау плелась позади. Всех присутствующих наполнило умиротворяющее облегчение.

Трбу, Марк и Зилиау встали перед главой деревни на колени. Их посвятили, каждому повязали особое ожерелье, с надписями, на которых было написано, что они теперь настоящие независимые фуррури. По окончании церемонии, на которую собрались все, кроме детей, что уже спали, была спета традиционная для Испытаний песня – молитва. В ней были слова о том, что лесной народ обрел своих и те, кто выжил, своих не подведут и всё в таком духе.

Зилиау еле стояла от усталости, её ноги распухли, глаза стали почти стеклянными, голова была тяжёлой. Девушке трудно было себя контролировать, ведь уставшая от выматывающих испытаний и страха за жизнь Астама, к тому же голодная, она чуть не валилась на землю. Когда закончилась песня, Мира, которая всё это время не покидала свою слепую подругу, дала Зилиау пить и подала еды. Та, промочив горло, не смогла есть от сильного утомления и направилась в хижину, чтобы лечь и наконец поспать.

Когда она дошла до входа, она повернулась в сторону костра, чтобы посмотреть, как Астам. Дядя отводил его, при-

держивая. Не в силах больше ни о чем думать, девушка ввалилась в своё жилище и, не раздеваясь, рухнула на постель.

Признание

– Марк, я очень рад за тебя. Можно сказать, что наша миссия удалась. – устало, но по-доброму улыбаясь сказал Астам.

– Ты не представляешь, как я тебе благодарен. Если бы не ты, я бы не справился. Брату не пришлось меня долго ждать. По твоему методу, я быстро нашёл следы. А по запаху я сразу понял, что он выпил. Так и звучали в голове слова Зилиау: «эта мерзость пахнет, как плесень», – Марк засмеялся, припомнив их занятия.

Но вот Астам от одного упоминания её имени помрачнел. Уже второй день, как всё это закончилось, но он так и не видел Зилиау. Она не навещала его, и он сам не мог ещё нормально себя чувствовать, чтобы выходить до этого утра. Марк понимал в чём дело и спросил:

– Зили не заходила?

– Нет. – резко оборвал юноша и решил сменить тему, – как Га́уи?

– О, друг, я думал ты не спросишь, – широко улыбаясь начал он, – я вчера сплёл венок.

– Поздравляю!

– Сегодня вечером будет объявление.

– Это прекрасно, – Астам хотел искренне радоваться за друга, но ему трудно было справляться с завистью, которая подтачивала его изнутри.

– Когда же ты подойдёшь к ней? – продолжая улыбаться во всю ширину своего рта Марк.

Астам выпрямился на постели, на которой до этого времени полулежал.

– Сегодня поговорю с дядей и через пару дней мы пойдём в своё родное предгорье.

– Что? Но как?

– Я не могу получить то, ради чего пришёл.

– Разве ты не влюблён? Мне казалось...

– Дело не только во мне, Марк. – он стал натягивать сапоги и застёгивать рубаху, – это не взаимно.

– Этого не может быть. Она смотрела на тебя так... Я был уверен, что вы встречаетесь, когда не занимаетесь тренировками со мной.

– Это не так.

– Нет, подожди, а тот последний день пред Испытаниями?

– Что с ним?

– Ну ваши взгляды, многозначительное молчание...

– Скорее ничего не значащее... Я знал, что такую девушку нужно завоёвывать, что нужно доказать, что я могу быть надёжной опорой, но...

– Ей опора не нужна? – вдруг понимающе отозвался Марк.

– Видимо так... И раз так, то, как друг, я сделал всё, что мог. Я ей доверился – она меня спасла. Она получила, что хотела, а мне пора домой.

Юноша не знал, чем помочь другу. Ему даже стало стыд-

но за то, что он так счастлив. И, понимая, что он абсолютно бессилен, протянул ему руку и сказал:

– Я рад, что знаком с тобой. И буду скучать.

– Я тоже, Марк. Я тоже, – сказал Астам, пожимая руку в ответ.

Они вместе вышли из хижины. Девушки, возившиеся с трапезой, одарили их своими улыбками, а одна из тех, что недавно выясняла отношения с Зилиау, попросила ребят принести воды из реки, раз они, а точнее Астам, хорошо себя чувствует.

И ребята, взяв вёдра, пошли. Марк не стал больше ничего спрашивать у друга, а просто шёл рядом. Когда они подошли к реке, то встретили там причину всех бед Астама. Она стояла на помосте к ним спиной.

– Тебе ведь уже лучше, думаю ты сам справишься. Мне нужно идти. – быстро нашёл способ устранился Марк и убежал, оставив друзей наедине.

Вода поблёскивала на солнце. Зилиау стояла уже не в охотничьей одежде, а в своём, слегка полинялом халате, с перекидной сумкой, держа руки перед собой. Её чёрные волосы были распущены и развевались на ветру.

Юноша медленно подошёл. Его глаза, ещё утром потухшие, сейчас оживились. Сердце забилось чаще. Он вступил на помост и подошёл ближе. Она была немного выше его ростом, но, слегка ссутулившись, сравнялась с ним. Он молчал, она не поворачивалась и молчала тоже. Оба смотрели на во-

ду... Думали.

– Спасибо. – негромко произнесла она. У юноши по телу пробежала дрожь от её голоса. Говорила она на удивление мягко, без вызова.

– Рад был помочь. – сказал он в ответ, а она всё не поворачивалась, – надеюсь, теперь ты счастлива.

Ещё несколько секунд они стояли молча, а потом она повернулась, когда он собирался уже уйти. Её глаза были опухшими и мокрыми, по щекам струились слёзы.

– Прости. Ты чуть не погиб из-за меня.

– Так вот что тебя беспокоит?! Чувство вины? – слегка раздражённо ответил парень на извинения. Девушка кинула на него непонимающий взгляд.

– Я всё понял. Как глупо было надеяться. Конечно, я тебя прощаю. Будь счастлива, Зилиау, гордая независимая фур-рури! – последняя фраза была произнесена с особой досадой и взглядом, кинутым на ожерелье.

– Ты мой друг... – хотела начать она, но он не желал этого слышать.

– Стой! Не говори ничего, – с трудом говорил Астам, удушьяемый злобой, негодованием, неприятием, пытаясь не взорваться, – лучше молчи! Не дай мне покинуть эту деревню с большим сожалением, без капли надежды.

– Но я... – продолжила она, приближаясь к нему, – позволь сказать...

Они встали вплотную друг к другу и Астам прижал ладонь

к её губам.

– Не говори мне ничего. Оставь хотя бы воспоминания. – уже с мокрыми глазами продолжил он, – не хочу тебя неволить, но и слышать твой отказ снова я не могу. Я просто уйду через пару дней, и ты меня забудешь. Только молчи сейчас, не надо...

Она смотрела на него и молчала. Он убрал ладонь и убрал за ухо её волосы, которые сгоняемые ветром лезли ей в глаза. Зилиау смотрела ему в глаза. Астаму тяжело давалось это прощание, ведь за это время он влюбился в эту девушку всерьез. Его боль сдавливала его сердце и затрудняло дыхание, возможно это отзвуки Испытания и слишком долгое отравление. Девушка протянула правую руку, чтобы отдать что-то. Астам оторвал взгляд от её лица, посмотрел на руку и увидел засохший, с опавшими лепестками и сухими стеблями венка. Тот самый, что он оставил тогда на опушке.

Юноша в замешательстве посмотрел на Зилиау, которая сквозь слёзы стала улыбаться.

– Ты? Ты нашла его, чтобы...?

– Чтобы ты снова подарил мне его. – мягко сказала Зилиау. Её ресницы задрожали. Злость, негодование, обида юноши улетучились. Он обнял её так сильно, что ей заломило лопатки, она не стала протестовать, ведь была абсолютно счастлива. Она чувствовала тепло его тела, жаркое дыхание.

Астам ослабил хватку, не расцепляя рук:

– Я люблю тебя, Зили! – говорил он слегка задыхаясь.

– И я тебя.

Юноша не мог никак справиться с сердечным ритмом. Удушливое состояние и дикое сердцебиение стали ослаблять его, на лице проявилась испарина. Зилиау, не понимающая что происходит, помогла ему сесть, а затем и лечь.

– Что с тобой? Тебе больно? – испугалась она.

– Не знаю. – он трясся, а в глазах помутнело.

Зилиау закричала. На её голос прибежал Марк, который не стал уходить далеко, но и подглядывать ни за кем не собирался.

– Что случилось?

Зилиау выжала сок какого-то корешка прямо в рот Астаму. И тёрла его уши.

– Его надо отнести в деревню. Зили, подхвати с той стороны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.